Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-230-237
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

ХАЛИЛОВА Элина Омаровна,
СЗИУ РАНХиГС 4 курс 40.03.01 "Юриспруденция" образовательная программа "Юридическая деятельность", e-mail: ekhalilova-19@ranepa.ru

ГУММАТОВ Риад Рамизович,
СЗИУ РАНХиГС 4 курс 40.03.01 "Юриспруденция" образовательная программа "Юридическая деятельность" , Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail: rgummatov-22@edu.ranepa.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена влиянию цифровизации на юридическую профессию, где технологическая среда переопределяет не только инструментарий, но и саму логику правоприменения. Анализ фокусируется на переходе к электронным процедурам и алгоритмическим решениям, которые видоизменяют стандарты доказывания и распределение ответственности в профессиональной среде. Российская нормативная база и сложившаяся практика свидетельствуют: цифровая трансформация не отменяет сути права, но ужесточает требования к квалификации юриста, делая его труд менее шаблонным и одновременно более уязвимым перед качеством инфраструктуры и защищенностью данных. Ключевым выводом становится утверждение, что в новых условиях профессионализм измеряется не знанием процедур, а способностью управлять опосредованными цифрой процессами, сохраняя контроль над их прозрачностью и логической целостностью.*

Ключевые слова: *юридическая деятельность, цифровизация, электронное правосудие, юридическая профессия, искусственный интеллект, электронный документооборот, цифровые доказательства, правоприменение.*

KHALILOVA Elina Omarovna,
SZIU RANEPA 4th course 40.03.01 "Jurisprudence" educational program "Legal activities"

GUMMATOV Riad Ramizovich,
SZIU RANEPA 4th course 40.03.01 "Jurisprudence" educational program "Legal activity," Russia, St. Petersburg

LEGAL PRACTICE IN THE ERA OF DIGITALIZATION: CHALLENGES AND FUTURE PROSPECTS

Annotation. *This article is devoted to the influence of digitalization upon the legal profession, wherein the technological environment is redefining not merely the practitioner's instrumental resources, but the foundational logic of legal adjudication. The analysis concentrates on the progressive adoption of electronic procedures and algorithmic frameworks, which are reconstituting evidentiary standards and redistributing professional accountability. An assessment of Russia's normative instruments and prevailing judicial practice indicates that digital transformation, while not abrogating the substantive essence of law, imposes elevated competency thresholds upon legal professionals — rendering their work less mechanical, yet concomitantly more susceptible to infrastructure deficiencies and data security risks. The overarching conclusion posits that professional competence in this new paradigm is no longer contingent upon procedural erudition, but upon the capacity to orchestrate digitally mediated legal processes while preserving their transparency and logical consistency.*

Key words: *legal activity, digitalization, e-justice, legal profession, artificial intelligence, electronic document management, digital evidence, law enforcement.*

Введение. Цифровизация давно перестала быть внешним фоном для права и постепенно превратилась в среду, внутри которой осуществляется значительная часть юридической деятельности. Если ещё недавно технологии воспринимались преимущественно как вспомогательный инструмент для ускорения документооборота и хранения информации, то сегодня они заметно влияют на структуру юридической работы, характер взаимодействия между участниками процесса и способы фиксации, передачи и оценки значимых сведений. Меняется не только техническая оболочка профессии, но и логика принятия решений, режим доступа к правосудию, стандарт должной осмотрительности юриста и сама конфигурация профессионального риска.

Юридическая деятельность особенно чувствительна к цифровым изменениям, поскольку строится на точности форм, устойчивости процедур и доверии к подтверждению юридических фактов. Любая технологическая инновация в этой сфере неизбежно затрагивает не только организационные вопросы, но и фундаментальные принципы права: законность, состязательность, равенство сторон, доступность правосудия, конфиденциальность и гарантии надлежащей процедуры. Поэтому цифровизация не может оцениваться лишь как процесс повышения эффективности — она одновременно создаёт новые возможности и формирует уязвимости, требующие более тонкой правовой оценки. [7]

В российской практике этот процесс имеет особую специфику. Цифровые инструменты уже широко применяются в судебной деятельности, при подаче документов, организации удалённого участия в заседаниях, во внутреннем документообороте органов власти и в юридическом сопровождении бизнеса. Однако внедрение технологий происходит неравномерно, а качество правового и организационного сопровождения цифровой трансформации нередко отстаёт от скорости технологической модернизации. В итоге перед юридическим сообществом стоит не задача освоения новых сервисов, а более сложный вопрос: как сохранить правовую определённость и профессиональную ответственность в среде, где решения и действия всё чаще опосредованы платформами, алгоритмами и цифровыми интерфейсами.

Цель статьи — раскрыть особенности юридической деятельности в условиях цифровизации, выявить основные вызовы для юриста и правоприменителя, а также определить ключевые направления дальнейшего развития. Анализ строится не на противопоставлении традиционного и цифрового права, а на понимании того, что юридическая профессия вступила в этап глубокой технологической перестройки: классические правовые функции сохраняются, но реализуются иными способами.

Материалы и методы. Исследование опирается на сочетание общенаучных приёмов и специальных юридических подходов. Анализ и синтез позволили выделить основные векторы цифровой трансформации профессиональной деятельности юриста и проследить, как изменение технической среды перестраивает правовые процедуры. Формально юридический метод применён к нормативным актам, регулирующим электронное взаимодействие, внедрение информационных технологий в судопроизводство и правовые рамки использования искусственного интеллекта в России. Системно структурный взгляд, напротив, потребовал рассматривать юридическую работу не как набор отдельных действий, а как целостный комплекс, где цифровизация одновременно затрагивает документооборот, доказывание, судебную коммуникацию, доступ к информации и принятие решений. Сравнительный анализ традиционных форм и их цифровых аналогов — в первую очередь в сфере представительства, оценки доказательств и подготовки процессуальных бумаг — позволил уловить, что технологии меняют не темп и внешний облик деятельности, а внутренний профессиональный стандарт. [4,9]

Эмпирическую основу составили актуальные публикации о цифровом правосудии, электронном документообороте и эволюции юридической профессии в России, а также сведения о развитии нормативной базы и реальной практике применения соответствующих инструментов. Обращение к этой базе продиктовано характером самого предмета: цифровизация в праве — процесс живой и подвижный, его нельзя постичь через одни лишь абстрактные нормы, не учитывая, как технологии фактически работают в правоприменительной деятельности.

Литературный обзор. В научной литературе цифровизация юридической деятельности осмысляется как многослойное явление, где технологические сдвиги вторгаются не только во внешнюю организацию работы, но и в глубинные свойства правоприменения. Авторы сходятся на том, что переход к электронным формам давно вышел за рамки простой замены бумаги на файл: он перестраивает процессуальную динамику, открывает иные каналы доступа к суду, меняет статус доказательств и заставляет пересмотреть содержание профессионального долга юриста. [5]

Центральное место в дискуссиях занимает электронное правосудие. Исследователи отмечают его несомненные плюсы — повышение доступности, сокращение сроков, оптимизацию документооборота и рост прозрачности. Но одновременно они указывают на новые проблемы: как сохранить непосредственность и устность разбирательства, обеспечить равноправие сторон и защитить информацию, когда взаимодействие с судом происходит через удалённые или частично автоматизированные интерфейсы. Эти вопросы остаются открытыми.

Не менее активно обсуждается трансформация самой профессии. Ключевой тезис здесь состоит в смещении профиля: юрист перестаёт быть исполнителем рутинных бумажных операций и превращается в специалиста, обязаннного разбираться в цифровых платформах, оценивать технологические риски, проверять достоверность электронных данных и удерживать юридический контроль над процессами, которые исполняются алгоритмами. Это принципиальный момент: цифровизация не устраняет юриста автоматически, но обесценивает те модели поведения, которые были рассчитаны на неторопливую, бумажную и институционально замкнутую среду.

Наконец, всё отчётливее звучит тема искусственного интеллекта. Алгоритмические системы уже применяются или рассматриваются как перспективные для аналитики, сортировки материалов, подготовки проектов документов, прогнозирования судебных решений и автоматизации типовых действий. Однако основная полемика разворачивается не вокруг самой допустимости ИИ, а вокруг границ делегирования интеллектуальных операций машине, проблемы объяснимости автоматизированных выводов и главного вопроса — кто берёт на себя ответственность за ошибки в цифровой среде. [12]

Понятие юридической деятельности в цифровой среде. Цифровизация юридической профессии не исчерпывается применением компьютеров, баз данных или систем электронного обмена документами. Речь идёт о перестройке самой профессиональной среды, где значительная часть юридически значимых действий совершается, фиксируется, передаётся и оценивается в цифровом формате. Это меняет структуру работы: юрист обращается теперь не только к норме и фактическим обстоятельствам, но и к технологической платформе, опосредующей их процедурное выражение.

Цифровая среда переопределяет временной ритм профессии. В традиционной модели допускался относительно медленный оборот бумаг, поэтапная проверка фактов и чёткая граница между подготовкой позиции и её процессуальным предъявлением. Цифровые инструменты сжимают эти интервалы, сокращают разрыв между созданием документа и его юридическим действием, порой требуя реакции почти в реальном времени. Отсюда двойной эффект: повышается требование к точности, но одновременно растёт цена ошибки, поскольку среда мгновенно фиксирует и тиражирует результат.

К этому добавляется новое измерение доказательственной сложности. Юристу уже недостаточно понимать правовую природу документа или действия — необходимо учитывать формат хранения, способ аутентификации, уязвимость к техническим изменениям, надёжность каналов связи и соблюдение требований к электронному взаимодействию. Современная практика всё чаще разворачивается на пересечении правового анализа и цифровой верификации, что существенно отличает нынешний этап от прежних моделей.

Электронное правосудие как новая среда работы. Наиболее рельефно цифровизация проявилась в развитии электронного правосудия. Его суть — не в переносе отдельных действий в интернет, а в переустройстве архитектуры общения между судом, сторонами и их представителями. Электронные кабинеты, удалённое участие, автоматизированное движение материалов формируют процессуальную среду, где работа юриста становится более технологически опосредованной, но и более операциональной.

Для практика это означает смену самой техники представительства. В бумажном мире контроль держался на физическом перемещении документов, личном присутствии и наглядной процедуре взаимодействия. В цифровом — центр тяжести смещается к отслеживанию статусов, соблюдению форматов, своевременному доступу к сервисам и умению ориентироваться в судебном интерфейсе. Ошибка здесь чаще процедурно техническая, а не содержательная, однако её последствия для доверителя вполне материальны. [9,14]

При этом электронное правосудие реально расширяет доступ к защите — особенно при дистанционной подаче или участии. Но этот доступ остаётся условным: он упирается в техническое оснащение, цифровую грамотность, стабильность платформ и готовность судьи работать в обновлённой логике. Поэтому эффективность цифровизации суда нельзя мерить одной скоростью. Подлинный критерий — способность сохранить процессуальные гарантии, не сделав правосудие привилегией технологически продвинутых участников.

Таблица 1.

Основные вызовы цифровизации юридической деятельности

Направление изменения	Содержание вызова	Нормативная опора	Практическое значение
Электронный документооборот	Переход от бумажных документов к электронным формам требует соблюдения требований к формату, подписанию и подтверждению отправки	ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»; АПК РФ, ст. 41, 153.1; ГПК РФ, ст. 155.1	Юрист должен обеспечивать юридическую силу электронного документа и корректность его подачи
Электронное правосудие	Участие в заседании через видеоконференцсвязь и удаленные сервисы меняет порядок взаимодействия суда и сторон	АПК РФ, ст. 153.1; ГПК РФ, ст. 155.1; КАС РФ, ст. 142.1	Повышается доступность правосудия, но растут требования к технической готовности и процессуальной дисциплине
Цифровые доказательства	Электронные данные требуют проверки подлинности, целостности и способа получения	АПК РФ, ст. 64, 75; ГПК РФ, ст. 55, 71; ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Юрист должен уметь оценивать не только содержание, но и цифровое происхождение доказательств
Электронная подпись	Правовая значимость документа зависит от вида электронной подписи и правил ее применения	ФЗ № 63-ФЗ, ст. 5, 6, 9	Ошибка в подписи может лишить документ юридической силы
Защита данных и конфиденциальность	Увеличение электронного обмена информацией повышает риск утечек и несанкционированного доступа	ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных»; ФЗ № 149-ФЗ	Информационная безопасность становится частью профессиональной добросовестности юриста
Использование ИИ	Алгоритмы помогают анализу и подготовке документов, но не могут заменить юридическую оценку и ответственность	ФЗ № 123-ФЗ? *если не хотите спорный акт, лучше оставить как аналитический блок без ссылки на конкретный закон	Возникают вопросы объяснимости, ошибок и распределения ответственности

*Составлено автором на основе Конституции РФ, АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, Федеральных законов от 06.04.2011 № 63-ФЗ, от 27.07.2006 № 149-ФЗ и от 27.07.2006 № 152-ФЗ. [1-5]

Техника работы с документом, доказательствами и алгоритмами. Переход к электронному документообороту изменил не форму юридической бумаги, а весь жизненный цикл документа: от подготовки и подписания до направления, хранения и последующего использования. Для юриста профессиональная аккуратность теперь измеряется не только качеством правовой аргументации, но и умением обеспечить техническую корректность обращения с файлом — его формат, способ удостоверения, подтверждение отправки и возможность верификации становятся частью юридической работы, а не исключительной заботой ИТ службы. Само восприятие документа как носителя воли сместилось: бумага ассоциировалась с устойчивой материальной формой, тогда как цифровой носитель требует доверия к системе удостоверения, электронному следу и процедуре проверки. Правовая сила такого документа опирается не на физическую оболочку, а на соблюдение правил создания и обращения в информационной среде, что переопределяет внутреннюю организацию труда: рутинные операции сокращаются, доступ к материалам ускоряется, но бессистемность и небрежность проявляются быстрее и влекут более серьёзные последствия, чем в бумажном мире.

Не менее остро стоит вопрос об искусственном интеллекте. Российское правовое поле уже содержит нормативные подходы к его определению и экспериментальным режимам внедрения, что знаменует переход от теоретических споров к институциональному оформлению. ИИ рассматривается как средство аналитической поддержки, автоматизации типовых операций и подготовки предварительных выводов, однако юридическая деятельность не поддаётся полной автоматизации без потери сущности. Право оперирует

контекстом, мотивами, балансом принципов и исключениями, которые редко укладываются в формальный шаблон. Алгоритм ускоряет сортировку, поиск практики или структурирование документа, но не несёт профессиональной ответственности и не учитывает ценностного измерения решения. Поэтому главный вопрос не в замене юриста машиной, а в выстраивании модели, где технология усиливает работу, не подменяя правовую оценку машинной имитацией. Перспективен подход, при котором финальная квалификация, интерпретация и ответственность остаются за человеком — это наиболее совместимо с природой юридического труда, основанной на доверии и объяснимости. [8]

Цифровизация радикально трансформировала и доказательственную сферу. Электронные документы, переписка, метаданные, записи цифровых действий приобретают всё больший вес, но одновременно усложняют проверку фактов: вопрос о достоверности теперь зависит от технического контекста возникновения и сохранности данных. Юристу уже недостаточно констатировать существование документа — необходимо понимать, как он создан, кем подписан, в какой системе сформирован, можно ли установить факт его изменения и насколько надёжна процедура получения. Доказывание становится более сложным, хотя внешне кажется удобным и быстрым. Суд, в свою очередь, вынужден оценивать не только содержание, но и цифровую среду происхождения доказательства, что требует дополнительных компетенций и иной процессуальной чувствительности. В этой ситуации роль юриста как посредника возрастает: он должен не просто представить сведения, а сделать их юридически убедительными, когда границы между фактом, файлом и технологическим следом уже не так очевидны, как в бумажной эпохе.

Безопасность, доверие и регуляторные разрывы. Работа с чувствительной информацией всегда была ядром юридической профессии, но цифровизация многократно увеличила масштаб и скорость обращения таких данных. Электронное хранение, удалённый доступ, облачные сервисы и платформенные коммуникации делают информационную безопасность базовой составляющей профессиональной добросовестности, а не дополнительной опцией. Нарушение конфиденциальности в цифровой среде способно причинить ущерб быстрее и в большем объёме, чем при традиционном документообороте. От юриста требуется не только соблюдение этических и процессуальных норм, но и понимание того, как организована защита данных в используемых системах, каковы риски удалённого обмена и насколько надёжны каналы передачи значимых сведений. Безопасность перестаёт быть техническим вопросом и становится частью правовой культуры.

Доверие к цифровой среде, однако, держится на прозрачности процедур. Если участник процесса не понимает, как работает электронная система, на каком основании отклонён документ или почему алгоритм выдал тот или иной результат, правовая определённость ослабевает. Технологии требуют не только внедрения, но и объяснимости для тех, чьи права и обязанности они затрагивают. Именно здесь обнаруживается главный регуляторный разрыв: нормативная система развивается медленнее технологий и чаще реагирует на уже сложившуюся практику, чем задаёт её заранее. Юрист и правоприменитель вынуждены действовать в пространстве частичных решений и постоянно уточняемых процедур.

Особую сложность создаёт межотраслевой характер цифровых инструментов. Один процесс одновременно затрагивает процессуальное право, защиту персональных данных, идентификацию, доказательственное значение электронных действий, допустимость автоматизированной аналитики и распределение ответственности между человеком и системой. Такая многослойность требует внутренней согласованности регулирования. Принцип технологической нейтральности права не должен пониматься упрощённо: закон не обязан зависеть от конкретной платформы, но обязан фиксировать гарантии, без которых цифровая трансформация угрожает справедливости и предсказуемости. Задача регулятора — создать общие рамки, позволяющие использовать цифровые инструменты без разрушения базовых юридических принципов.

Профессиональный профиль в новой реальности. Самые глубокие последствия цифровизации касаются профиля юриста. Современный специалист уже не может ограничиваться знанием норм, практики и навыками письменной аргументации в традиционном смысле. Он обязан ориентироваться в платформах, понимать логику электронного оборота, работать с цифровыми доказательствами и сохранять контроль над юридическим качеством результата в среде, где часть действий автоматизирована или технологически опосредована. Речь не о превращении в программиста, а о формировании новой профессиональной грамотности, где правовое мышление дополняется пониманием технических ограничений и рисков. Юристу нужно уметь задавать системе правильные вопросы: какие данные она использует, какие ошибки допускает, насколько прозрачны выводы, кто отвечает за функционирование и можно ли оспорить полученный результат. [11]

Структура юридической карьеры тоже меняется. Наименее устойчивыми оказываются сег-

менты, где работа строилась на механическом воспроизводстве типовых документов и рутинной сортировке. Напротив, возрастает ценность специалистов, соединяющих правовую квалификацию с аналитическим мышлением, стратегическим видением спора, управлением рисками и навыком работы на стыке права, технологии и организации. Цифровизация не обесценивает профессию, а выводит её на более высокий уровень содержательной сложности. Технологии ускоряют и облегчают рутину, но именно это высвобождает время для задач, которые машина не решит: оценки контекста, поиска нестандартных интерпретаций и принятия ответственности за решение в условиях неполной определённости.

Перспективы, риски и условия устойчивого развития. Дальнейшее движение юридической профессии в цифровую среду не означает отмены классических правовых институтов, но требует их содержательного переоснащения. Электронные сервисы, интеллектуальный поиск и аналитические платформы будут наращивать присутствие в практике, однако устойчивость этого процесса определится не скоростью внедрения, а способностью права встроить технологию в систему процессуальных и профессиональных гарантий. Наиболее реалистичный сценарий — смешанная модель, где рутинные, сортировочные и технически повторяющиеся операции отдаются алгоритмам, а интерпретация, стратегическое решение и ответственность остаются за человеком. Это не просто повышает эффективность, но перераспределяет профессиональное время в пользу задач, требующих сложного мышления, этической чувствительности и работы с неопределённостью.

Однако эффективность не должна становиться самоцелью. Чрезмерное увлечение скоростью и автоматизацией порождает опасную иллюзию, будто право должно стремиться к ускорению любой ценой. Для юридической деятельности это неверно: быстрота не гарантирует справедливости, а автоматизация не равнозначна обоснованности. Напротив, цифровая среда подчас требует более пристальной процедурной внимательности, чем традиционная, поскольку последствия технического сбоя, непрозрачного алгоритма или незафиксированного действия могут оказаться трудноисправимыми. Технология перестаёт быть нейтральным фоном в тот момент, когда судебное действие совершается через интерфейс, доказательство существует в форме данных, а документ обретает силу через электронную подпись. Она становится частью юридической реальности и потому сама нуждается в правовой оценке.

Главный смысл цифровой трансформации — не в замене человека машиной и не в переводе бумажных процедур в экран как самоцели, а в создании среды, где технология усиливает право, а не растворяет его в интерфейсах и автоматике. Если этот баланс соблюдён, цифровизация делает деятельность более доступной, точной и устойчивой. Если нет — она превращается в источник новой непрозрачности, скрытой за внешним удобством решений. Достижение равновесия упирается в несколько условий: сохранение процессуальных гарантий при удалённом взаимодействии, обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, преодоление инфраструктурного неравенства между участниками, а также чёткое определение пределов автоматизации там, где ответственность и обоснованность не могут быть делегированы алгоритму.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что цифровизация юридической деятельности — не поверхностная модернизация инструментов, а глубинная перестройка профессиональной среды, где право всё чаще реализуется через электронные каналы, алгоритмическую поддержку и цифровые формы фиксации фактов. Эта трансформация не отменяет центральной роли человеческой оценки, но переопределяет условия, в которых она осуществляется: юрист теперь работает на стыке правового анализа и технологической верификации, а его профессионализм измеряется не только знанием норм, но и способностью контролировать процессы, опосредованные интерфейсами и алгоритмами.

Главная сложность современного этапа заключается в том, чтобы использовать новые возможности без утраты нормативных оснований права. Сохранение процессуальных гарантий, обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, преодоление инфраструктурного неравенства и определение разумных пределов автоматизации — эти задачи не решаются разовым внедрением сервисов. Они требуют системной работы над правовыми рамками, судебной практикой и профессиональными стандартами. Технология перестаёт быть нейтральным инструментом в тот момент, когда она начинает влиять на содержание юридических решений, а значит, сама становится предметом правовой рефлексии.

Устойчивое развитие возможно только при формировании зрелой модели, где технологические решения подчинены правовым принципам, а не наоборот. Для этого необходимо не столько ускоренное обновление инфраструктуры, сколько согласованное движение по трём направлениям: совершенствование нормативного регулирования, повышение качества цифрового правосудия и перестройка юридического образования с акцентом на критическую работу в электронной

среде. Без этих условий цифровизация останется набором разрозненных нововведений, которые облегчают рутину, но не укрепляют правовую определённость.

Итоговый вывод таков: цифровая среда не упраздняет право, а предъявляет к нему более высокие требования — к точности, объяснимости, ответственности и способности сохранять человеческое измерение там, где алгоритм предлагает лишь техническое решение. Именно в этой точке пересечения технологической эффективности и правовой сущности лежит подлинный вектор эволюции юридической профессии в ближайшие десятилетия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). – М. : Официальный текст, 2020.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

[5] Федеральный закон «О персональных данных» : от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.

[6] Арсентьева Н. А., Волкова М. А., Кочанжи И. Д. Тенденции систематизации российского законодательства в условиях цифровизации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – №. 2 (45). – С. 6-10.

[7] БАТЫРБАЕВ Б. С. Развитие юридической профессии в цифровую эпоху: опыт и перспективы республики казахстан и кыргызской республики // Научный журнал" Вестник Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова". – 2026. – Т. 83. – №. 1. – С. 426-433.

[8] Босык О. И. Трансформация высшего юридического образования в условиях цифровой экономики и внедрения искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – №. 11 (180). – С. 169-183.

[9] Дудченко А. В., Голотова М. А., Томбулова Е. Г. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса // Закон и право. – 2025. – №. 2. – С. 156-160.

[10] Горбатенко Е. М., Шаповалов А. В. Трансформация правовой культуры в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Epomen. Global. – 2026. – №. 72. – С. 29-37.

[11] Кожевников А. К. Цифровой кодекс Российской Федерации: правовые вызовы и перспективы // StudArctic Forum. – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет», 2025. – Т. 10. – №. 4. – С. 110-122.

[12] Нырков В. В. Проблемы и перспективы системной организации понятийного аппарата юридических наук в контексте цифровизации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – №. 6 (167). – С. 71-78.

[13] Тагиров М. И., Круглов Ф. А. Правовая социализация личности в эпоху цифровизации: вызовы и перспективы // Epomen. Global. – 2026. – №. 70. – С. 256-263.

[14] Шагалиев Д. Р. Правовые вызовы и перспективы использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности // Юридическая наука. – 2025. – №. 11. – С. 299-302.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ). - M.: Official text, 2020.

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: No. 95-FZ dated July 24, 2002.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation: dated November 14, 2002 No. 138-FZ.

[4] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: dated March 8, 2015 No. 21-FZ.

[5] Federal Law "On Personal Data": dated July 27, 2006 No. 152-FZ.

[6] Arsentieva N. A., Volkova M. A., Kochanzhi I. D. Trends in the systematization of Russian legislation in the context of digitalization // Law and order: history, theory, practice. – 2025. – №. 2 (45). - S. 6-10.

[7] BATYRBAEV B. S. Development of the legal profession in the digital era: experience and prospects of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic // Scientific journal" Bulletin of the Aktobe Regional University named after K. Zhubanov." – 2026. - T. 83. – №. 1. - S. 426-433.

[8] Bosyk O. I. Transformation of higher legal education in the digital economy and the introduction of artificial intelligence // Actual problems of Russian law. – 2025. - T. 20. – №. 11 (180). - S. 169-183.

[9] Dudchenko A. V., Golotova M. A., Tombulova E. G. Problems and prospects of legal regulation of digital business transformation // Law and Law. –

2025. – №. 2. - S. 156-160.

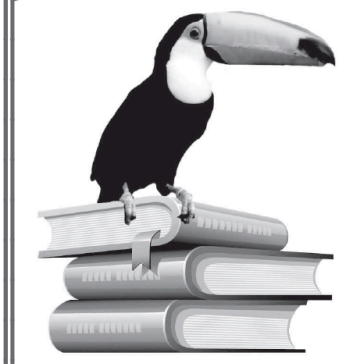
[10] Gorbatenko E. M., Shapovalov A. V. Transformation of legal culture in the context of digitalization: problems and prospects // Epomen. Global. – 2026. – №. 72. - S. 29-37.

[11] Kozhevnikov A.K. Digital Code of the Russian Federation: Legal Challenges and Prospects // StudArctic Forum. - Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Petrozavodsk State University," 2025. - T. 10. – №. 4. - S. 110-122.

[12] V.V. Nyrkov. Problems and prospects of the systemic organization of the conceptual apparatus of legal sciences in the context of digitalization of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2025. – №. 6 (167). - S. 71-78.

[13] Tagirov M.I., Kruglov F.A. Legal socialization of the individual in the era of digitalization: challenges and prospects // Epomen. Global. – 2026. – №. 70. - S. 256-263.

[14] D. R. Shagaliev Legal Challenges and Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Advocacy // Legal Science. – 2025. – №. 11. - S. 299-302.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru